

Литература

1. Болотнова Н.С. Диалог с текстом как комплексная лингвометодическая проблема // Диалог с текстом: проблемы обучения смысловой интерпретации: Мат-лы V регионального научн.-практ. сем. (25 апреля 2002 г.). Томск, 2002.
2. Болотнова Н.С. О теории регулятивности художественного текста // Stylistyka. 1998. Вып. VII. Opole, 1998.
3. Болотнова Н.С. Смысловый код и коммуникативная стратегия текста (к методике анализа текста нонсенса) // Теоретические и прикладные аспекты филологии. Сб. науч. тр., посвященный 10-летию кафедры рус. яз. и лит. Института яз. коммуникации Томского политехнического университета / Под ред. З.И. Резановой. Томск, 2004.
4. Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте: поиск ключей к эстетическому коду // Слово. Семантика. Текст: Сб. науч. тр., посвященный юбилею проф. В.В. Степановой / Отв. ред. В.Д. Черняк. СПб., 2002.
5. Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. Томск, 2001.
6. Доценко Е.Л. Психология манипуляции. М., 1996.
7. Дридзе Т.М. Текст как иерархия коммуникативных программ (информативно-целевой подход) // Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976.
8. Каменская О.Л. Текст и коммуникация. М., 1990.
9. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.

А.А. Васильева

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИДИОСТИЛЯ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА (АССОЦИАТИВНЫЙ АСПЕКТ)

Томский государственный педагогический университет

Исследователь, обратившийся к творчеству О.Э. Мандельштама, наверное, согласился бы со словами С.С. Аверинцева: «Мандельштам так заманчиво понимать и так сложно толковать» [1, с. 64]. Его поэзия и по сей день представляет загадку для исследователей. Смысл текстов Мандельштама как нечто завершенное и статичное, единственно верное, к которому так стремятся исследователи, избирая для его постижения замысловатые и тернистые пути, сравнимые по сложности лишь с самим творчеством поэта, по-прежнему остается недостижим: «скромная внешность произведения искусства ... обманывает нас относительно *чудовищно-уплотненной* (курсив наш) реальности, которой оно обладает» [2, с. 168]. В постижении мандельштамовского творчества не было, нет и не может быть верных или ложных путей, и исследователь никогда не сможет быть уверен в окончательности и однозначности своих смысловых интерпретаций текстов этого автора. Смысл поэтических текстов Мандельштама – явление многомерное, его стихотворения скорее можно охарактеризовать как **процесс формирования смысла**, стремление к нему, «бесконечное движение». В данной статье мы рассмотрим некоторые характерные черты идиостиля О.Э. Мандельштама, обнаруженные нами в процессе комплексного изучения ассоциативного развертывания его поэтических текстов.

Ассоциативный уровень текста зыбок, но его воздействие на процесс смыслоформирования нельзя игнорировать, хотя подчас трудно объективировать. Ассоциативное развертывание текста как взаимодействие мира ассоциаций автора и читателя на основе текста как результата первичной коммуникативной деятельности и объекта вторичной коммуникативной деятельности – процесс целостный, динамичный и континуальный.

Ассоциативное развертывание текста понимается нами одновременно и как отражение ассоциативной деятельности читателя, стимулом которой выступает сам текст и его различные элементы (слова, словосочетания, микроструктуры и пр.), и как объективация исследователем того пути, по которому движется читатель в процессе восприятия художественного текста. В самом широком смысле *ассоциативное развертывание* текста мы рассматриваем как возникновение и взаимодействие в сознании читателя разнообразных ассоциаций, связанных с текстом.

Если посмотреть на весь спектр возможных ассоциатов, связанных с текстом, то можно обнаружить, по крайней мере, *три уровня ассоциативного контакта автора и читателя посредством художественного текста* (по степени представленности ассоциатов и возможности их обнаружения).

1 уровень: текстовые ассоциаты, *полностью* вербально материализованные в лексической структуре текста.

2 уровень: текстовые ассоциаты, *частично* материализованные в лексической структуре текста и «достаиваемые» в сознании читателя благодаря «опорным элементам» и «словам-маркерам» (термины Н.С. Болотновой [3]).

3 уровень: ассоциаты, возникшие в сознании читателя, *не присутствующие* в тексте, но относящиеся к нему и обусловленные самим текстом как стимулом.

В полной мере *текстовыми* можно считать ассоциаты первого уровня – эксплицированные текстовые ассоциаты, ассоциации-экспликации по терминологии Л.А. Климовой [4]. Им противопоставлены ассоциаты третьего уровня, которые условимся называть «*внетекстовыми*». Имплицитные текстовые ассоциаты не называются в тексте, но возникают, «достаиваются» в сознании читателя как реакции на отдельные слова-стимулы или целые микроструктуры текста. Этот статус позволяет трактовать их как промежуточное звено между текстовыми и внетекстовыми ассоциатами. С эксплицированными ассоциатами имплицитные ассоциаты объединяет то, что и те и другие стимулируются различными элементами текста. Различаются же они на том основании, что имплицитные ассоциаты не объективируются в лексической структуре текста – они возникают непосредственно в сознании читателя, – что и сближает их с «внетекстовыми» ассоциатами – реакциями информантов, получаемыми в процессе эксперимента, в котором весь текст предстает как стимул ассоциативной деятельности читателя. Имплицитные ассоциативные связи могут стимулироваться: а) семантическим компонентом (компонентами) слова (слов); б) целым словом (и его разными значениями в случае полисемии); в) текстовыми сочетаниями. Различные комбинации одних и тех же маркеров могут задавать разные (зачастую, противоположные) ассоциативные линии (направления ассоциирования), заведомо размывая единственность, четкость, конкретность смысла произведений поэта, затрудняя определение их темы и идеи.

В поэзии О. Мандельштама в процесс текстового ассоциирования слова вовлечены и его форма (звуковая оболочка), и содержание (весь семантический потенциал), подчас сложно сочетающиеся между собой. Исследователи творчества поэта неоднократно подчеркивали, что в его лирике «содержанием становится анализ формы как таковой, а формой – вся структура содержания» [5, с. 287] для достижения главной цели – раскрытия всего внутреннего потенциала слова.

Семантические компоненты лексем (и имплицитные ассоциации) актуализируются на основе

множественных связей, пронизывающих всю структуру художественного текста автора, стимулируя субъективные читательские ассоциации, из которых и на основе которых возникают новые витки смысла, новые ассоциативные линии. В этот процесс втягивается слово во всем многообразии его признаков, зачастую всей совокупности его значений (полисемия) и семантических компонентов разного уровня: общих, категориальных, дифференциальных, потенциальных, а при разных прочтениях (разными читателями или же при отсроченном восприятии одним человеком) на поверхность выходят новые соответствия, новые комбинации ассоциативных связей. Все это, в конечном итоге, создает «чудовищно-уплотненную реальность», ведет к «компрессии смысла» и парадоксальному ощущению неразрывного единства противоположных, взаимоисключающих ассоциативных линий.

Текстовое слово (в силу того, что в тексте в нем задействованы разные аспекты) оказывается более объемным, раздвигающим свои конкретные смысловые пределы (которые, впрочем, также за ним сохраняются) и входит благодаря своим разным признакам в различные ассоциативные связи и направления ассоциирования (порой взаимоисключающие друг друга (см. о поливалентности, амбивалентности текстового слова, например: [6; 7; 8])), тем самым создавая «мерцание», нечеткость, а также «глобальность» и «общность», прорастающую сквозь «отдельность» и «конкретность» слова благодаря семантическим компонентам.

В зависимости от способа изучения ассоциативное развертывание текста можно представить и как «сложно организованную сеть ассоциатов, в образовании которой участвуют ассоциативно-смысловые поля слов» [9, с. 38], и как процесс возникновения и взаимодействия *совокупности всех возможных направлений ассоциирования, стимулированных текстом.*

Под направлением ассоциирования в данном случае мы понимаем *фокусирование в сознании читателя ассоциативных связей слов в тексте на основе определенного микросмысла.* Направление ассоциирования развивается в тексте по типу «прогрессии» и, по аналогии с понятием «тема-рематической прогрессии» (см., например: [10, с. 30]), может трактоваться как *ассоциативная прогрессия.*

Для исследователя процесс ассоциативного развертывания текста – это процесс постепенной экспликации всех возможных направлений ассоциирования, стимулированных на основе (с учетом всех возможных) ассоциативных связей лексических единиц.

Своеобразие идиостиля О. Мандельштама обнаруживается как при выявлении текстовых (экспли-

цированных и имплицитных) ассоциатов, так и в исследовании направлений ассоциирования в его поэтических текстах.

Поэтические тексты О. Мандельштама отличаются активное использование актуализации семантических компонентов слов как способа формирования направлений ассоциирования наряду с иными способами (к ним относятся: актуализация многозначности слова; дифференциация отдельных микросмыслов внутри одного общего смысла текста (разветвление ассоциативных линий внутри единого магистрального направления ассоциирования); расширение (приращение) смысла ключевых слов текста; синтаксический параллелизм (актуализированная в тексте соотнесенность, рядоположенность смысловых блоков высказываний); синтагматическая или тематическая соотнесенность текстовых ассоциатов (их принадлежность одной микроструктуре текста)), что в большой степени способствует одновременному возникновению разных направлений ассоциирования.

Важной чертой ассоциативной организации лирики О. Мандельштама является одновременная ориентация на целый спектр различных направлений ассоциирования. Обычно в произведениях поэта происходит формирование сразу нескольких ассоциативных линий, подчас противоположных и взаимоисключающих, что затрудняет адекватное выражение в словесной форме итогового смысла. Противоположные направления ассоциирования в текстах поэта имеют *тенденцию к совмещению*.

Исследуя текстовое функционирование и взаимодействие противоположных направлений ассоциирования в лирике О. Мандельштама, мы обнаружили несколько основных способов их совмещения.

Явление совмещения направлений ассоциирования в тексте наблюдается как на уровне минимального текстового фрагмента (совмещение, задаваемое антонимичными ассоциативными связями), так и в перспективе целого текста (например, последовательное развитие цепочки общих ассоциатов), в его основе лежат различные виды текстовых ассоциативных связей.

Так, например, направления ассоциирования могут задаваться как изначально совмещенные благодаря соединению в одном сочетании (или минимальном текстовом фрагменте) противоположных смысловых признаков. Здесь в качестве примеров можно привести следующие сочетания, обнаруженные в поэтических текстах О. Мандельштама: «...я от жизни смертельно устал» («Только детские книги читать...»), «мне стало страшно жизнь отжить...» («Мне стало страшно жизнь отжить...») (одновременная экспликация и совмещение противоположных смыслов «жизнь» и «смерть»),

«... среди немолчного напева глубокой тишины лесной» («Звук, осторожный и глухой...») (совмещение противоположных признаков «напев» и «тишина»), соединение контрастирующих признаков «реальное/нереальное» присутствует в метафоре «ткань мечты», где «ткань» подчеркивает линию «реального, материального», а «мечта» (нечто созданное воображением, мысленно представляемое (МАС, 2, с. 263) [11]) соотносится с нереальным (воображаемым).

Одновременная актуализация контрастирующих признаков часто наблюдается в метафорах раннего творчества О. Мандельштама (см. подробнее об этом [12]).

Совмещение противоположных направлений ассоциирования в ассоциативном развертывании поэтических текстов О. Мандельштама достигается разнообразными способами. Как показали наблюдения, помимо совмещения в одном сочетании противоположных смысловых признаков, для ассоциативной организации поэтических текстов О. Мандельштама характерны: связь противоположных направлений ассоциирования с общим ассоциатом; противопоставление и текстовая соотнесенность направлений ассоциирования на основе возможности слов-маркеров вступать в различные комбинации; соотнесенность на основе развития цепочки общих ассоциатов; соотнесенность противоположных направлений ассоциирования благодаря наличию промежуточного элемента между ними; совмещение на основе приема взаимозамены ассоциатов.

1. Рассмотрим явление совмещения противоположных направлений ассоциирования благодаря наличию в тексте промежуточного элемента между ассоциатами в стихотворении «Если утро зимнее темно...»:

*Если утро зимнее темно,
То холодное твоё окно
Выглядит как старое панно:*

*Зеленеет плющ перед окном;
И стоят, под ледяным стеклом,
Тихие деревья под чехлом –*

*Ото всех ветров защищены,
Ото всяких бед ограждены
И ветвями переплетены.*

*Полусвет становится лучист.
Перед самой рамой – шелковист –
Содрогается последний лист.*

С начала и через весь текст проходит ассоциативная цепочка «темно – полусвет – лучист», в ко-

торой «темно» и «полусвет» актуализируют один смысловой признак. Лексемы «темно» и «лучист» (слово «лучист» вызывает имплицитную ассоциацию со «светом») актуализируют противоположные смысловые признаки, а лексема «полусвет» выступает как нечто среднее между ними, размывающее четкую противопоставленность «света» и «темноты»: полусвет – это еще не свет, но и уже не темнота. В смысловом плане это слово синонимично существующему в языке слову «сумерки», однако это последнее не обладает такой же выразительностью внутренней формы слова, которая характерна для лексемы «полусвет».

2. Возникновение совмещенных направлений ассоциирования можно проследить в стихотворении «В самом себе, как змей, таясь...». Здесь иной способ совмещения: противопоставленность направлений ассоциирования задается путем одновременной актуализации маркеров противоположных направлений ассоциирования, а снимается за счет особой организации маркеров – возможности вступать в различные комбинации.

*В самом себе, как змей, таясь,
Вокруг себя, как плещу, вьась,
Я поднимаюсь над собою, -*

*Себя хочу, к себе лечу,
Крылами темными плещу,
Расширенными над водою;*

*И, как испуганный орел,
Вернувшись, больше не нашел
Гнезда, сорвавшегося в бездну, -*

*Омоюсь молнии огнем
И, заклиная тяжкий гром,
В холодном облаке исчезну!*

В начале стихотворения актуализируется блок ассоциатов, связанных с образом лирического героя – «я»: «в самом себе», «вокруг себя» (на «я» указывает возвратное местоимение) – «как змей», «как плещу» (то, с чем «я» сравнивается, ассоциируется) – «таясь», «вьась» («я» проявляется в значении деепричастий, образованных от возвратных глаголов, через постфикс -ся). Создается ассоциация постоянного движения, все время возвращающегося к исходной точке – «я», внутреннего («в самом себе»), кругового («вокруг»). Далее в тексте складывается более широкий ассоциативный блок – «движение вокруг собственного «я»», где последующие ассоциаты возникают на основе предыдущих: «я поднимаюсь над собою» (контекстуально этот ассоциат соположен предыдущим, указывая на изменение направленности движения – преодоле-

ние кругового движения, прорыв, взлет, переход в иное – расширенное состояние, может быть, преодоление себя и своей замкнутости), «себя хочу» (желание, цель), «к себе лечу» (полет; имплицитно эти ассоциаты указывают на расширение своего пространства).

Таким образом, мы видим одновременную актуализацию в ассоциативном блоке множества действий, подчеркивающих крайнюю сложность и неоднозначность описываемого процесса (который можно назвать установлением «я» своих самоидентификаций и поисками себя), а также постепенный переход из внутреннего пространства во внешнее и его последующее расширение (в самом себе – вокруг себя – над собою). В этом поиске себя актуализируются три основных направления ассоциирования, связанных с лексемами «змей», «плещу», «орел». Направления ассоциирования, стимулированные ключевыми словами «змей» и «плещу», в тексте тесно соединяются. Стимул «змей» конкретизируется текстовым ассоциатом «таясь» (привнося смысл тайного, скрытого), а ассоциаты «вокруг себя – вьась», конкретизирующие в тексте стимул «плещу», на имплицитном уровне больше соотносятся именно со «змеем» (ср. ассоциат «извивается» на стимул «змея» в РАС-3 [13, с. 66]).

Третье направление ассоциирования, стимулированное словом «орел», формируется благодаря последовательному развитию ассоциативной цепочки: «себя хочу – к себе лечу», «к себе лечу – крылами темными плещу» (в основе этого перехода лежит легко реконструируемая ассоциативная связь «лететь – крыло», совпадающая с данными РАС-2, где обнаруживаем ассоциат «крыло» в качестве реакции как на стимулы «лететь»/«летать», так и на стимул «орел» [14, с. 135]). Интересно рассмотреть ассоциативные связи, организуемые сочетанием «крылами темными плещу» и в особенности лексемой «плещу»: по вектору паронимии образуется ассоциативная связь, отсылающая к лексеме «плещу», по семантике, в которой актуализируется компонент «вода», соединяется с последующим ассоциатом «над водою» (здесь возникает возможная антонимическая имплицитная ассоциация «плескаться в воде» (поскольку плеск возникает при соприкосновении с водой) – плещу над водою).

Ассоциативная связь «крылами – расширенными» имплицитно подчеркивает направление ассоциирования, организуемое смыслом «расширения пространства и расширения «я»». Несложно заметить, что ассоциаты, характеризующие «я», больше выступают маркерами лексемы «орел» (это явление мы уже наблюдали в тексте в связи с направлением ассоциирования «плещу/змей»). Можно назвать это явление взаимозаменяемостью сти-

мулов на основе общих ассоциатов). Далее в тексте эксплицируется само слово «орел» и организуется блок его ассоциатов: «орел» – «испуганный», «вернувшись», «больше не нашел гнезда, сорвавшегося в бездну». Теперь мы наблюдаем, что текстовые ассоциаты, характеризующие стимул «орел», больше раскрывают не его, а через него – «я» героя. Ассоциат «вернувшись» вписывается в направление ассоциирования «желания/цели и полета/движения к ней», замыкая собой цепочку: «себя хочу – к себе лечу – вернувшись». В контексте общего смысла текста – «поисков себя» здесь возникает совмещение (а точнее, наложение друг на друга) двух возможных направлений дальнейшего ассоциирования: «вернувшись» может указывать на возвращение «к себе» и одновременно потерю (себя): «вернувшись – больше не нашел», «больше не нашел – гнезда», «гнезда – сорвавшегося в бездну».

В контексте общего ассоциативного направления «орел – я», лексема «гнездо» ассоциируется с чем-то родным, важным для «я», безвозвратно им потерянным. В конце стихотворения мы снова возвращаемся к ассоциативному блоку «я», соединяющему начало и конец текста: «омоюсь молнии огнем», «заклиная тяжкий гром», «в холодном облаке исчезну». В отличие от начального ассоциативного блока, здесь актуализируется общий смысл противоречивости человеческих жизненных исканий/метаний и их закономерный итог (конечное «исчезновение»).

3. Совмещение противоположных направлений ассоциирования возможно благодаря приему взаимозамены ассоциатов. Так, в стихотворении «Над алтарем дымящихся зыбей...» стимулы «алтарь», «приносит жертву», «бог» актуализируют ассоциации с обрядом жертвоприношения (косвенно сюда относится и лексема «дымящихся»):

*Над алтарем дымящихся зыбей
Приносит жертву кроткий бог морей.*

*Глухое море, как вино, кипит.
Над морем солнце, как орел, дрожит,*

*И только стелется морской туман,
И раздается тишины тимпан;*

*И только небо сердцем голубым
Усыновляет моря белый дым.*

*И шире океан, когда уснул,
И, сдержанный, величественный гул;*

*И в небесах, торжествен и тяжел,
Как из металла вылитый орел.*

Значение слова «бог» в этом контексте изменяется до противоположного: обычно человек приносит жертву богам, а здесь сам «бог» приносит жертву; ассоциативный ореол стимула «бог» обычно таков (ср. данные РАС-3: высшая сила, судья, царь [13, с.23]), что ассоциат «кроткий» антонимичен ему (кроткий – незлобивый, покорный, смиренный [11, с. 135] и скорее вызывает ассоциации с «человеком» или «жертвой», нежели с «богом»: «человек», «тихий», «скромный», «ягненок», «как ягненок», «ребенок», «животное», «застенчивый», «мягкий», «овца», «покорный», «робкий», «смирный», «спокойный», «христианин»; ср. и другие ассоциации [13, с. 80]). Здесь мы сталкиваемся с приемом взаимозамены ассоциатов противоположных стимулов с целью создания совмещения направлений ассоциирования. В тексте рассредоточены ассоциаты с семантикой «моря»: «бог морей», «море», «над морем», «морской туман», «моря белый дым», «океан», организующие основное направление ассоциирования. «Море» – «глухое», «как вино кипит»; «над морем – солнце, как орел дрожит»; «стелется морской туман»; «раздается тишины тимпан» (ассоциативная связь основана на антонимии, доходящей до оксюморона, подчеркивающей смысл «сочетание несочетаемого»); «и только небо сердцем голубым усыновляет моря белый дым» (возникает серия ассоциаций: имплицитная – «принимает, делает своим», ассоциативная связь по линии синонимии с «морским туманом», в соотнесенности с которой обнаруживается и другая связь (и понимание, что это такое) – с «алтарем дымящихся зыбей». «Зыбь» сразу ассоциируется с «морем», «дымящихся» – с туманом над ним, видимо, и вызвавшим у автора изначальную ассоциацию с обрядом жертвоприношения и соответствующее направление ассоциирования в тексте.

Тема «бога» раскрывается в тексте и в иных своих направлениях («бог» как тот, кто «стоит над»: небо, все видит, Всевышний, на небе, на небесах, небеса, неземной, солнце [13, с. 23]); «над морем» (положение сверху, т.е. «на небе»), «небо», «солнце» (здесь эксплицируются стандартные связи, зафиксированные РАС), «солнце – как орел» (орел – традиционный для России символ власти, это направление ассоциирования далее актуализируется в тексте благодаря соответствующим ассоциатам: «в небесах», «торжествен и тяжел», «как из металла вылитый орел»).

Направление «бог – любовь» (также совпадающее с данными РАС) раскрывается благодаря маркером: «небо сердцем голубым» (на основе устойчивой ассоциации «сердце – любовь»), «усыновляет» (в этом контексте осмысливается как то, что «принимает и дарит любовь»). Следующее сочетание «и шире океан, когда уснул» раскрывает смысл на

фоне контекстуально антонимичного ему «глухое море, как вино, кипит». Возникает серия ассоциативных соответствий: «океан – море» (океан шире моря; лексема «океан», заменившая «море», вносит семантический признак «расширение/широта», который усиливается маркером «шире»: прием наложения на значение слова семантического признака другого слова (синонимичного) создает эффект «избыточности»), «кипит – уснул» (бурное интенсивное движение и его остановка, спокойствие, умиротворение). Компонент «спокойствие», «статичность» актуализируется другой своей гранью: «спокойствие монументальности и величия» в сочетании «торжествен и тяжел, как из металла вылитый орел».

Как показал анализ, прием взаимозамены ассоциатов противоположных стимулов, использован-

ный с целью создания совмещения направлений ассоциирования, создает в текстах О. Мандельштама особый эстетический эффект – эффект неразделяемого (синтетического) единства противоположностей.

Существование в поэтических текстах О. Мандельштама совмещающихся противоположных направлений ассоциирования является одной из ключевых особенностей идиостиля автора, наблюдающейся на всех этапах его творчества [16]. Соединение противоположных направлений ассоциирования несет значимую смысловую нагрузку в текстах автора, которую мы видим в отражении (даже не столько «отражении», сколько «выражении») одновременного единства и двойственности мира, его целостности и многообразия, внутренней динамики, движения.

Литература

1. Аверинцев С.С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // О. Мандельштам. Сочинения. Т. 1. М., 1990.
2. Мандельштам О.Э. Утро акмеизма // Мандельштам О.Э. Слово и культура: Статьи. М., 1987.
3. Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск, 1994.
4. Климова Л.А. Ассоциативное значение слов в художественном тексте // Филологические науки. 1991. № 1.
5. Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Смерть и бессмертие поэта: Мат-лы науч. конф. М., 2001.
6. Кондрашова О.В. Семантика поэтического слова (функционально-типологический аспект): Автореф. дис...д-ра филол. наук. Краснодар, 1998.
7. Карпенко С.М. Ассоциативные связи слов в узусе и поэтическом тексте (на материале творчества Н.С. Гумилева): Автореф. дис...канд. филол. наук. Томск. 2000.
8. Бабенко И.И. Коммуникативный потенциал слова и его отражение в лирике М.И. Цветаевой: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Томск, 2001.
9. Болотнова Н.С. Особенности коммуникативной стилистики художественного текста как научного направления // Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. Томск, 2001.
10. Валгина Н.С. Теория текста. М., 2003.
11. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1984–1988.
12. Васильева А.А. Ассоциативные связи метафор в лирике О. Мандельштама // Вопросы языковой политики и языкового планирования в условиях информационного общества: Тезисы докладов Междунар. научн. конф. (Иркутск, 11 июня 2001 г.; Улан-Удэ, 13–14 июня 2001 г.). Иркутск, 2001.
13. Караулов Ю.Н., Сидоров Ю.А., Тарасов В.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Р.А. Русский ассоциативный словарь. Кн. 3. М., 1996.
14. Там же. Кн. 2. М., 1994.
15. Мандельштам О. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1990.
16. Васильева А.А. Лексические аспекты ассоциативного развертывания поэтических текстов О.Э. Мандельштама: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004.